

“Гармония”

Литературный альманах №1

Смолевичи, 2018

Дорогой читатель, у тебя в руках первый номер литературного альманаха “Гармония”, на страницах которого ты найдёшь творчество участников литературного любительского клуба «Самородок», работающего при Смолевичской центральной районной библиотеке имени Максима Богдановича.

Под одной обложкой этого издания собрались разные авторы. Разные и по возрасту, и по профессиональному мастерству, но всех их объединяет одно – поиски слова и неравнодушное отношение к современному миру.

Саша Морозов**Мая маленькая радзіма**

Старэюць вёсачкі, як людзі –
Сівеюць дахі і акенцы.
І прыйдзе час, і прыйдзе студзень,
І застанеца жыць ў сэрцы.
Але жыве, ўсім на дзіва,
Праз ліхалецце і расстанні –
Мая “маленькая радзіма”,
Маё вялікае каханне.

Хварэюць вёсачкі, як людзі,
І прыйдзе час, калі, напэўна,
Іх зранку болей не разбудзіць
Ні скрып калодзежны, ні певень,
Але жыве ўсім на дзіва
Праз ліхалецце і расстанні
Мая “маленькая радзіма”,
Маё вялікае каханне.

Яна валодае сакрэтам -
Любіць і песціць, нібы маці.
Дай Бог ёй далей кожным летам
Дзяцей і ўнукаў гадаваці.
Так і жыве ўсім на дзіва
Праз ліхалецце і расстанні –
Мая “маленькая радзіма”.
Маё вялікае каханне.

Анна-Мария Ситникова

Тишина

Такая тишина – гудит в ушах.
Колотит от озноба и от страха,
колени онемевшие дрожат,
прилипла к телу грязная рубаха.
Срываешь с гимнастёрки ворот – прочь!
Последний залп. Сминаешь самокрутку.
Уже бежишь, не в силах превозмочь
желания увидеть это утро,
на ощупь из подвальной темноты.
А сердце бьёт в грудину: «Стой! Куда ты?»,
но к небу первый шаг... Страшны, пусты
по-прежнему глазницы окон... Даты
ты этой не забудешь и во сне,
по крохам собирая краски, тени,
да запахи, присущие весне,
почти убитой выстрелами... Стены
безумно наклоняются к земле,
а в трещине дорожной среди осколков,
презрев войны законы, смерть и тлен –
синеет колокольчик – стебель тонкий.
Он, кажется, звенит... «Победа, брат! –
читаешь по губам. – Победа, Ваня!»
и падает беззвучно автомат...
А, помнишь, говорил, что мир настанет?
Случилось! Не слышны сирены вой,
снарядов грохот... Онемели птицы...
Не страшно уживаться с тишиной,
пусть только та война не повторится!

Саша Морозов

Писать?

Не прочь. Когда бы знать заранее,
что будет всё исполнено в конце,
и тех ночей бессонное старание.

Писать?

Не прочь. Когда бы был рецепт
от глупых и наивных заблуждений
и от Твоих морщинок на лице.

Писать?

Не прочь. Когда бы было жжение
на кончике пера как на душе,
израненной от стольких поражений.

Писать?

Не прочь. Когда бы не взашей,
и без напоминания, что должен,
и без упрёков, мол, слабак в хряще.

Писать?

Не прочь. Когда б по наглой роже —
строкой, как оплеухой, оглушить
и наблюдать растерянность прохожих.

Писать?

Не прочь. Когда б от жажды жить
до горечи вдруг пересохнет горло,
и Гамлету в ответ несётся: «Быть!»

Писать?

Не прочь. Когда б принять всё кровно —
по венам потечёт немая боль
чужих людей обиженных невольно.

Писать?

Не прочь. Когда б на раны соль
слёз пролитых в причал Новороссийска,
где «Адмирал» звучало, как пароль.

Писать?

Не прочь. Когда бы степень риска

быть втянутым в деление ядра –
исчезнет, как роса на обелисках...

Писать? –
Не прочь.
Вот только бы не зря.

Нина Петровна Малетина

День Победы

День Победы! День Победы!
Позади остались невзгоды и беды,
Но из памяти не стереть
Погибших дорогих солдат.
Их помнят все: и стар, и млад.
Мы также помним ветеранов живых
И чтим их, благодарим их.
Колокольным звоном,
Криком, музыкой, смехом.
Пусть будет нарушена тишина.
Люди, берегите мир!
Не нужно нам войны!

Анна-Мария Ситникова

Сказ троицкий

Ни пшена, ни семечек, ни травы
Не клевала пёстрая на заре,
Со двора знакомого под обрыв
Убежала шалая. – Ку-ка-ре... –
Понеслось над крышами ей вослед.
Куролапки-крестики спрятал мох.
Эх, мала головушка – много бед,
Ну ищи-свищи теперь тихий «квох»...
Под листвой соломенной – скорлупа.
От полыни морочной воздух густ.
Василиск ворочает на зубах
Тонкостенки-косточки. Слышишь хруст?
Ох, зачем глядел ему ты в глаза...
Над полями благовест поутру.
Отскрипели нежити голоса.
Нынче свята Троица – быть добру.

Анна-Мария Ситникова

Зарисовка

Лето зелёной ящеркой прочь уйдёт.
Станет утрами зябко в лесном краю.
Спеет на солнце яблочко – чистый мёд.
Вянет полынь-метёлка. Плывёт в зарю
Тонкий паучий плотик. Храня секрет
Жизни, что так поспешно летит стрелой,
Плачет во мху кукушка. Упал билет –
Жёлтый листок ольховый. Входи! Светло
Нынче под сенью сосен. Блестит смола.
Скоро задует ветер кипрей-свечу.
Ты здесь останься дольше, забыв дела.
Видишь: медянкой осень скользит к ручью?

Саша Морозов

У озера

Камыш, едва касаясь ветра,
задумчиво глядит на гладь
немой воды, что в полуметре
от ног его устала ждать
мелодию весёлых вёсел
и тихий танец поплавок...
И вечер нежности привносит
в печальность мыслей и стихов.

Тамара Нестерович

Воробей

Гонит ветер листок облетевший,
Серый дождик с утра моросит,
За окном от дождя поседевшем
Воробейка о чём-то грустит...

Вспоминает, наверное лето,
Где полно мошкары и зерна
Когда много тепла и света,
А теперь его жизнь грустна.

А зимой ещё будет хуже –
Как завьюжит, закружит метель,
И замёрзнут осенние лужи,
И покроется инеем ель.

Воробей – малый серый комочек,
И ему остаётся одно –
Что помочь ему кто-то захочет?
И с надеждой он смотрит в окно.

Малетина Нина Петровна

Синичка

Поет сестричка,
желтогрудая синичка.
Поет в феврале, в январе,
зовет приход весны.
Ци-ци-фи.

А в марте наступит оттепель
и зазвенит капель,
совьют синички
гнезда свои
и будут петь
ци-ци-фи.

Закружат в апреле
желтогрудки-детки,
запоют песни свои
ци-ци-фи.

Постучит синичка
хозяйке в окно,
и в доме том,
будет гостей полно.
Радостно, весело
зазвучит вновь песня ее
ци-ци-фи.

Тамара Нестерович

Лясная палянка

Давайце наведаем зранку
Лясную гожую палянку!
Мы блукалі па лесе многа,
Ажно прытамліся ногі.
І вось, ускрайку, у цяньку
Прыляжам адпачыць.
Пра тое, што вакол пабачым,-
Мы будзем гаварыць.

А водар хвой такі густы!
Вакол зялёныя кусты.
Смала ў сосен, нібы мёд
Па паху і па цвету.
Пчол залацісты карагод
Лятае, бы ракета.
Паважны, вельмі гучны гук –
І тлусты, нібыта вяпрук,
З'яўляецца вялікі чмель
І забіраецца пад ель.
Бо там, забіўшыся ў траву,
Салодкіх кветак пах,
А тут – высока, сярод дрэў
Немураваны дах.

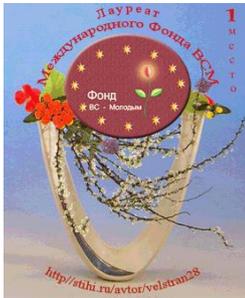
Маша Пругло

Я поняла

Я поняла, что значит быть любимой.
Я поняла, что значит быть родной.
Я поняла, что мне необходимо
Всё то, что ты подарешь мне одной.

В твоей любви купаюсь, как богиня.
В твоей Любви не страшно утонуть,
Твоя любовь живёт во мне незримо.
Твоя Любовь не может обмануть.

Саша Морозов

Город N

(Победитель конкурса "Магистр 01" Международного Фонда ВСМ 2016г.)

Этот город давно притворяется добрым и милым,
заливая в подвалы зрачков веселящий неон.
В телефонном талмуде не осталось знакомых фамилий,
значит, можно без лишних гудков отключить телефон.
Здесь господствует норд, беспросветные МРЭКи и мраки,
вот и думай, срываясь с насиженных пирсов и гнёзд,-
то ли щепкой прильёт к берегам постаревшей Итаки,
то ли глупой пушинкой застрянешь в ажурности звёзд.

Этот город устал от заезжих театров и мэров.
Здесь свои не в чести. Здесь своих не осталось совсем:
кто-то вышел в окно, остальные в кирпичных вольерах
у гламурных кормушек безоблачно ждут перемен.
Здесь и цепи молчат, не считая бродячей собаки,
прибежавшей на праздничный запах вчерашних пиров.
Из подсказок Судьбы – за окном лишь дорожные знаки
с указанием всех проходных (и не очень) дворов.

Этот город привык к веренице дырявых карманов,
подбирая с асфальтовой паперти мелкую жизнь.
Снег ложится на ржавые рёбра безбашенных кранов,
не успевших при жизни увидеть свои этажи.
Забредут ли сюда на постой перелётные птицы,
осенят ли их дробью слепые охотники влёт –
я не знаю кому, но я знаю, что буду молиться
за себя и за птиц, и за тех, кто сюда не придёт.

Анна-Мария Ситникова

Белая пастила

(Лонг-лист Кубка мира по русской поэзии 2017г.)

Белая пастила плавится под рукой,
Лепится горностай – острая голова.
Лапами – перестук, в блюдечке молоко.
Ласковой Тугунье счастья не миновать.
Милый Ахыртека, храбрый Ахыртека...
Нартами озерцо режется пополам.
Срезаны постромки – северная тоска.
Скалится горностай. Горечью пастила.
Лезвия-коготки – алая полоса.
Всполохи в небесах. Вечности мерзлота.
Бисерные унты, камедь на волосах.
В мороке-колесе вертится горностай.
Тихая Тугунье, мёртвая Тугунье...
Праздничная доха проседью ледяной.
Тянется пастила, плавится на огне.
Чёрная Ухтаме плачется за стеной...
Много ли Тугунье, храбрых Ахыртека
Омулем уплывут в звёздную полынью?
Ниточкой пастила тянется сквозь века.
Ластится горностай к маленькой Олынью.

Анна-Мария Ситникова

Обыкновенное

("Приз симпатий" сетевого литературного альманаха "БУКВИЦА")

И плачет по три дня, сметая «свет» –
Соломенные стебли в тень сарая.
– Ой, солнышка лучи!
А ей в ответ:
– Блаже-е-енная! – вздыхает бабка Рая.
Не девка, а беда... От, видно, бог
Оставить на земле-то мал причину
Такую вось...
– Ба!
– Чуни промочила? Ну, геть из лужи!
Кинь жабёнка – сдох!
– Его душа на небушко слетела?
Задумчиво глядит на облака.
А жёсткая бабулина рука
Уводит в дом.
– Пошто глазеть – не дело!
Ужо самой пора... А толь каму
Обуза гэта? Господи, помилуй
И дай мяне и мудрысти, и силы...
– Иди ужо, сердешная, к столу!
Коту шматок? Што ложкой колготишь?
Ушица – ах! – Андреич дал жерёха.
– Андреич мне казал, что я дурёха,
Дурёха я, дурёха...
– Буде, кыш!
Шурует бабка Рая мокрой тряпкой,
Самой себе кивая: «От, кажи!»
А в слободе всё то же: сохнут грядки,
Надкушен лунный блинчик, чуть дрожит
Стожаров Цвет и тонут в дряхлой бочке
Остатки снов, мурлычет «ёшкин» кот
Да тянется мережка по сорочке.
Ворчит старуха: – Нады ж – лишний рот!

Но с нежностью ничем не объяснимой
Накинёт шаль на внучки Серафимы
Большой живот. Та вздрогнет.

– Не глупи!

– Там ангел бьётся!

– Ангил, детка! Спи.

ПРОЗА

Саша Морозов

(из “Словаря обычных слов”)

Солнце – это всего лишь то, что освещает нашу жизнь и, в силу необходимости, согревает её. При этом ощущение тепла настолько же реально, как и испорченный термометр. Господи! Как быстро остывает кофе. Электричка, падающая в откос, падает намного медленнее. А куда спешим мы? Неужели, для того, чтобы успеть на эту электричку? Не лучше ли пролить горячий кофе из-за проснувшегося телефона и вернуться за зонтиком, не доверяя ртутному столбику застывшего в вечной истоме термометра. А ты все твердишь, что холодная вода взбадривает не хуже кофеина. А ты все прижимаешь к щеке телефонную трубку, обещающую, как ласковый любовник, что-то ещё кроме: «Ждите ответа... Ждите ответа... Ждите ответа...»

Мудрость – это постепенное привыкание к плохим новостям. Кожа со временем грубеет. Часто и душа. Чувства остаются почти те же, только детская непосредственность незаметно вытесняется сентиментальностью, да обожжённые нервы уже не так реагируют на холод и зло. Мы стесняемся делать глупости, а случайные попытки вернуться в прошлое отзываются привычным разочарованием, которое растворяется в осенних лужах или в бокале вина. Попытка же отыскать на дне бокала истину оканчивается очередным похмельем. И с каждым разом путь всё короче, а истина всё дальше. Все дороги вели в Рим, а мы почему-то вернулись домой. К себе. Здравствуй!

Здравствуй – это слово, произносимое на выдохе с надеждой и добром. Можно сотни раз сказать «привет», а эхо даже не шевельнётся в своей берлоге. Сезон зимней спячки начинается с одиночества. Не потому ли, самые вольные и горделивые корабли так восторженно целуют родные причалы. Аргонавты вернулись домой с Золотым руном, а Одиссей просто – домой. И неизвестно чей выдох оказался триумфальнее.

Неважно, что мы услышим в ответ, главное – чтобы совпало дыхание. И петух и ворон могут возвестить начало нового дня, но только жаворонок делает это правильно, потому что разговаривает с солнцем на одном языке...

Дождь – это набор случайных капель для игры в грусть. Редкая возможность оградить себя от суеты. Насколько загадочней кажется небо за вуалью туч, настолько же неинтересны становятся фигурки прохожих на фоне размытого пейзажа. А мокрая штора за окном неизменно соскальзывает в грязное логово лужи. А душе всё кажется, что стоит подставить себя под чистые струи и можно будет намыть золотые крупы откровения. Каждый раз, разговаривая с дождём, почти слышимы шорохи времени, когда по циферблату окна стекают отсыревшие минуты. Если долго играть в грусть можно забыть цвет неба. Но ещё страшнее, когда небо забывает тебя.

Нестерович Тамара Ивановна

Бабка Яга

Вообще-то бабусю звали Ядвига, односельчане кликали баба Ядя, а молодёжь за глаза называла бабой Ягой. Уж очень вредный и склочный характер был у старушки. Ещё как жив был дед Петрок – муж её, была на неё управа. Нет, нет, а прикрикнет муженёк: «Утихомирься, старая», да и прикусит бабуля свой ядовитый язычок. Но он уже год, как на кладбище успокоился, так что некому было приструнить разбушевавшуюся старушенцию. Она ему и сейчас покоя не давала. Чуть что случится в селе, а бабка Ядя тут как тут и причитает: «Не зря мне Петрок снился, не зря – это он меня о плохом предупреждает». И ко всем со своими замечаниями и советами лезет.

Особенно доставала она нас – молодых. Нас – это меня, Кирилла, – и друга моего Макса. Всё балбесами нас величала. А почему балбесами? Так мы после школы никуда не поступили, провалили вступительные и остались в родном селе работать трактористами, благо к трактору нас ещё в школе приучили, на занятиях по УПК.

А поступали мы в серьёзные ВУЗы. Я – в БГУ на программиста, а Максим, так вообще в театральный намылился. Представляете? Правда, был у него классный талант – голосам подражать. Ещё в школе, как начнёт изображать нашего директора Олега Фёдоровича, или «классуху» Маргариту Петровну – смеху было. А вот не прошёл. Но он не унывает. Говорит: «Ничего, потренируюсь и на следующий год обязательно поступлю». Он у нас оптимист.

И вот однажды, немного разделавшись с уборкой урожая, решили мы с Максимом на утренней зорьке карасиков потаскать из нашей речушки.

Плыл лёгкий туман, медленно опадали золотистые листья берёз, было свежо и прохладно. Сидим мы на речке и видим, как из своей избы вышла бабка и почесала в сторону леса.

– Ты смотри, баба Яга в лес почапала за грибами, – догадался Максим. – Вот неугомонная старуха. Все в деревне от неё шарахаются. Так решила ещё и лесных жителей уму-разуму поучить, – пошутил друг.

– Хоть бы леший её напугал, – с досадой ответил я. – Нет от неё никому покоя. Достала уже.

– Леший, не леший, а привидение может... – загадочно ответил Макс. – Вот она рассказывала, что муженек ей часто снится. Предлагаю устроить ей встречу с покойничком.

– Ну и как ты себе это представляешь?

– А вот давай за ней проследим, а там, на месте и разберёмся, как действовать.

Припрятали мы свои рыболовные снасти в кустах и, крадучись, направились вслед за бабкой Ягой.

Бабка в лесу вела себя на удивление тихо и пристойно. Зайцев не критиковала, волков не гоняла, правда у нас про них уже давно не слышали. Заглядывала под каждый кустик, разгребала палочкой мох, а когда зашла подалее в лес, присела на пенек отдохнуть, Ну, думаем, настал нас звёздный час. Выбрали кусты погуще от того места, где бабка расположилась, и начали...

Макс заунывным голосом, максимально похожим на голос покойного деда Петра, проговорил из-за дерева:

– Ну что, Ядвига?! Готова встретиться со мной?

– Ой! – встрепенулась бабка. – Это кто тут?

– А ты угадай, – ответил мой друг. – Не я ли тебе снюсь, старая?!

– Петя?.. – бабка открыла рот, да так и забыла закрыть.

– А ну, говори, Ядвига, зачем языком плетешь, что как я тебе привижусь, так жди беды?

Бабка замерла на мгновение, а потом вдруг прытко подскочила на месте и бросилась наутек.

Максим даже растерялся. Оглянулся на меня, но понял, что помощи ждать от меня не приходится, я еле сдерживался, чтобы не

расхохотаться и уже буквально валялся на земле, зажимая себе рот из всех сил. Тогда Макс, как истинный артист начал импровизировать.

– Я тебе сегодня приснюсь, жена! – крикнул он бабке вслед. – Учти, теперь стану за тобой присматривать, чтоб людей не обижала! А не то к себе заберу! Поняла, старая?

Бабка внезапно остановилась, с опаской повернулась в нашу сторону, низко поклонилась и смиренно пробормотала:

– Поняла, как не понять, Петенька! Не гневайся, больше ни одной живой души худым словом не обижу. И бабку, как ветром сдуло, даже и не думали, что она так быстро умеет передвигаться. Мы тоже выбрались из леса, наловили карасиков, даже щуку вытащили. В-о-о-т такую... Ну, такую, как рыбаки обычно показывают, разводя руками. Вот и наша, только чуть поменьше... Наполовину. Интересно, думаем, как бабка себя вести будет после встречи с привидением.

Макс говорит:

– Кирилл, вот увидишь, наше привидение её уму – разуму научит. Всё с соседями меньше ругаться будет.

–Что-то я сомневаюсь,– отвечаю ему

– А я – оптимист! – заявил мне друг.

И вы знаете, прав Макс оказался, изменилась с той поры наша бабка Яга. Так уже не вредничала. Ну, разве только иногда, изредка.

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Дерр Любовь Васильевна

Паучок и его друзья

В детской библиотеке, за большим шкафом, жил паучок. Он любил книги и дружил с ними. «Привет, Добрячок»,- улыбаясь, приветствовали его друзья. Днем он спал в зеленом шарфике, здесь его никто не беспокоил.

Каждый вечер, как только читатели и библиотекарь покидали библиотеку, Царство книг оживало. Комната наполнялась голосами:

- Как мне повезло, с каким интересом меня читал мальчик!

- Возмутительно, она даже меня не открыла!

- Какой ужас, меня всю разрисовали, а эти рожицы, какой кошмар!

От шума паучок просыпался. Выпив чашечку чая и надев свои пушистые тапочки, он шустро выпрыгивал из своего жилища. Повисев

несколько минут на лесенке-паутинке, он прислушивался к разговорам. Совсем рядом кто-то тихонько плакал. Паучок ловко спустился вниз.

На полочке лежала книга о животных. Она вся была в больших жирных пятнах. Животные на ее истрепанных страницах тоже вытирали слезы.

- За что, за что с нами так обращаются?! На нас ложили печенье, капали молоком. А мальчишки! Мальчишки бросались мной друг в друга!

Паучку-Добрячку пришлось целый час успокаивать книгу. От жалости к ней ему самому хотелось плакать.

- Какое безобразие!- возмущенно вздыхал паучок, поглаживая книгу своими добрыми лапками. Потом он переполз по своей ниточке вверх.

- Боже, а здесь что?! - удивленно произнес Добрячок.

На полке во весь рост стоял огромный Толковый Словарь. Нахмутив брови, он старательно стиркой, чистился от следов карандаша.

- Не понимаю, как так можно меня всего испачкать?! Это просто неуважение ко мне!- возмущенно шептал Словарь.

- Не волнуйтесь, уважаемый, я вам сейчас помогу,- заботливо произнес паучок. И своими пушистыми лапками стал помогать Словарю. Затем по воздушной ниточке он быстро перебежал на другой стеллаж. Здесь Народные Сказки воодушевленно рассказывали своим соседям, как бережно и заботливо с ними обращалась девочка Саша.

- Как нам было приятно: нас обернули обложкой, подклеили страницы. А сестренка Саши сделала красивую закладку и положила в книгу. До самого утра книги делились своими впечатлениями о своих читателях. Одни огорчались, что их не стали читать, просто перелистали страницы.

- Ах, как нам обидно, ведь мы такие интересные!- жаловались они. Другие с удовольствием рассказывали, как внимательно их читали. Герои разных произведений ходили друг к другу в гости из книги в книгу и делились своими впечатлениями. Как они рассказывали детям о своих приключениях, заставляли одних грустить, других радоваться. До самого утра в библиотеке звучали голоса. Наш паучок вместе со всеми радовался и огорчался. Кого-то утешал, кому-то помогал. Книжные друзья прозвали его паучком-Добрячком. Под утро он уставший влезал на свой шкаф. Чуть доползал до любимого шарфика и, не снимая тапочек, мгновенно засыпал. А утром слышались шаги, громкие голоса, звон ключей в дверях. И, когда дверь открывалась,- в библиотеке стояла тишина. Книги лежали тихо и мирно на своих местах. Они как всегда ждали своих читателей. А над столом библиотекаря красовался плакат

«Берегите книги всегда и везде!»

Филатова Валентина Петровна

История про Петьку и его любовь

Я боялся в клуб ходить –
Могут хлопцы отлупить.
Да, и девки всё смелей –
Могут всыпать мне люлей.

На любовь, жаль, не клюют,
Пиво хлещут, водку пьют.
А по сельской, по волне
Песни шутят обо мне.

Да такие песни гнут –
Уши в трубочку свернут!
Далеко их занесло –
Издевались мне назло.

Ванька Гоцман (Гришкин брат)
Первый в драке виноват –
Крикнул Кольке: «Петьку бей!», –
К девкам, чтоб не лез злодей.

Эти хлопцы-драчуны –
Ненормальные они.
На девчат бросают взгляд,
Тот кто трезв, и кто «поддат».

Ванька Гоцман, что рябой, –
Не согласен был со мной.
Вечно лезет на рожон,
Будто он крутой пижон.

Вот и врезал я назло,
Аж, по пятое число,

Чтобы знал, ядрёна мать,
Шнобель свой куда совать.

Дрался я, аж до крови
Из-за Женькиной любви.
В дом вернулся без усов,
Без «мобилы» и трусов.

Тут же батька навалился:
«Где ж ты, Петька, ночь носился?
Мать всю ночь тебя ждала,
И трепала нервы зря.

Ты мне, Петька, не дури —
Только правду говори!
Я тебя ведь тоже ждал,
И всю ночь почти не спал!».

Мог же нас предупредить
И хотя бы позвонить,
Что всю ночь решил болтаться,
Пить, гулять и целоваться».

Ну, ты батя, это зря
Навалился на меня.
Счас такая молодёжь —
Не проедешь, не пройдёшь!

Ванька к Женьке приставал
Не шутя поцеловал.
Сам курносый и рябой —
Насмехался надо мной.

Батя, правда, я не вру
Я ж за Женечку умру.
За неё я не прощу
И любому отомщу.

Так что, батя, — ты не бойсь, —
Лучше за меня молись.
Я ему устрою гвалт,
К Женьке, чтоб не приставал.

Радуйся, сынок, что цел.
Баю-баиньки в постель!